УДК 882 (091)

З. Гимпелевич

«Я тебя очень, очень люблю, Алексий»: Письма Георгия Иванова Алексею Скалдину.»

Предлагаемая работа основывается на переписке между двумя поэтами и прозаиками Серебряного века, Георгием Ивановым (1894-1958) и Алексеем Скалдиным (1889-1943). Корреспонденция была обнаружена и скопирована автором статьи летом 2000 года в Московском РГАЛИ [ф. 487, 52]. Материал, обработанный и прокомментированный автором (со вступительной статьей Вадима Крейда), опубликован в *«Новом журнале»*, 222. Публикация отвечает на ряд вопросов и общего (литературно-исторического порядка) и более узкого, биографического. Благодаря обнаруженным 16-ти неизвестным стихотворениям, корреспонденция предоставляет возможность полнее проанализировать творчество Г. Иванова.

В настоящий момент литературная деятельность обоих писателей, Скалдина и Иванова, все еще неравноценна в истории русской литературы: первый занял прочную позицию корифея русской поэзии, о чем свидетельствуют, начиная с 1975-го года, солидные издания его произведений, тогда, как Скалдин известен только благодаря одному роману, *«Странствия и приключения Никодима Старшаго»,* 1917 (долгожданный двухтомник его произведений под редакцией Татьяны Царьковой находится в печати). Много вопросов возникает и в связи с личностью и творчеством Алексея Дмитриевича Скалдина, автора более четырех тысяч печатных листов. Небольшая часть ответов появится также в 2003-м году в журнале *New Zealand Slavonic Journal* [Gimpelevich Z.]. Корреспонденция, однако, остается богатейшим источником по «загадочному» Скалдину и полнее отвечает на вопрос, почему деятели культуры уровня Александра Блока (1880-1921), Анны Ахматовой (1889-1966), Николая Бердяева (1874-1948), Зинаиды Гиппиус (1869-1945), Вячеслава Иванова (1866-1949), Михаила Кузмина (1872-1936), Дмитрия Мережковского (1866-1941), Федора Сологуба (1863-1927) и многие другие не только поддерживали с ним тесные творческие связи, но и искали его личного расположения. С другой стороны, так как жизнь и творчество упомянутых деятелей искусства в истории литературоведения содержат все меньше белых пятен, полузабытые, или вовсе, волей случая, забытые имена, встречающиеся в переписке, вызывают большой интерес. Так, целью данного сообщения является упомининание и указание на связь со Скалдиным и Г. Ивановым представителей культуры Серебряного века, имена которых оказываются в одном ряду с более звучными и привычными только в настоящее время. Но сначала кратко о самом Скалдине.

Алексей Дмитриевич Скалдин, младший представитель российского символизма, оставил после себя работы, в которых проявил себя самостоятельным философом [*«Идея нации», «Затемненный лик»*], ищущим поэтом [*«Стихотворения»*, 1911] и сложившимся прозаиком [*«Странствия»* и др. работы]. Несмотря на крестьянское происхождение, интеллектуальный запас Скалдина ничем не выделял его из окружающей артистической среды. Он чувствовал себя на своем месте в культурной группе эрудитов, в основном,

выходцев из дворян, которые росли в обстановке, способствующей глубокому знанию родной и всемирной культуры. Скалдину же, в отличие от большинства его литературных знакомств, пришлось самостоятельно добиваться в жизни всех ценностей и, в первую очередь, образования.

Он родился 2-го октября 1889-го года в деревне Корыхново Новгородской губернии. Отец был малоземельным крестьянином, который кормил семью столярно-слесарным ремеслом. Дед выкупил семью из крепостного состояния незадолго до освобождения крестьян и, соответственно, на землю денег не осталось. Отец, из-за подрядов часто бывавший в городах, в 1905-м году, как только дети подросли, перевез семью в Петербург. Там дети пошли в школу, а Алексей, получивший дневную работу «мальчика по поручениям» в страховой компании, учился в вечерней школе. Десять лет спустя, Алексей Дмитриевич Скалдин был уже управляющим большим округом той же компании. Его профессиональная жизнь практически не пересекалась с его не менее насыщенной философско-литературной деятельносью. Лингвистические познания Скалдина, прошедшего только несколько университетских курсов в качестве вольнослушателя, были поразительны. Так, он освоил в совершенстве французский, итальянский, немецкий, латынь и древнегреческий. К этому следует добавить безукоризненное знание культуры Древней Греции и Рима.

В 1915-м году двадцатишестилетний Алексей Скалдин женился и вскоре стал отцом двоих детей. Жена Скалдина, Елизавета Константиновна Бауман, русская немка и профессиональная переводчица с обоих языков, оставалась его верным другом до своей безвременной смерти в 1933-м году. Она не смогла пережить вторичного ареста Скалдина (первый произошел в 1922-м году). Старшая девочка в семье, Клара, как и младшая, Марина (родная дочь Скалдина), оставались на фамилии первого мужа Елизаветы Константиновны, Гюнтера Вальтера, известного переводчика русских поэтов-символистов на немецкий язык. Эта случайность (немецкая фамилия) стоила Кларе жизни: во время войны ее интернировали, позже она бесследно исчезла.

Несмотря на приемлемое для Советской власти происхождение, культурная, просветительская и, конечно, творческая деятельность Скалдина, писателя-мистика, писавшего на добротнейшем родном языке, пришлись не по вкусу новым хозяевам положения в России. Третий арест, произошедший в начале войны, когда интернировали всех «неблагонадежных», закончился преждевременной смертью Скалдина в 1943 году в Карлаге.

Скалдин, как большинство писателей-символистов, начинал как поэт и философ, но полное признание пришло к нему только накануне революции и в связи с появлением его мистического романа «*Странствия и приключения Никодима Старшаго*». В 1922 году, во время ареста, был конфиксован его роман про революцию. Небольшой отрывок из романа сохранился и был опубликован Царьковой в форме рассказа [Аврора, 16-8]. В 1924 году Скалдин сдал в государственное издательство до сих пор не найденный роман «*Смерть Григория Распутина*», написанный по документальным материалам. В конце 20-х годов детские рассказы Алексея Скалдина: «*Чего было много*», «*Музей чижа*», «*Иголка, нитка и пуговица*» и др. – были приняты в печать Ленинградским «Детгизом». В то же время были написаны три романа: «*Женихи*», «*Деревенская жизнь*» и «*Невероятная жизнь*». Романы, впоследствие исчезнувшие, читались на квартире Иванова-Разумника. Последние три романа, написанные в ссылке и прочитанные в кругу друзей во время коротких и нелегальных приездов в Москву и Ленинград, тоже пропали, остались только названия «*Колдуны*», «*Повесть каждого дня*» и «*Чудеса старого мира*». Обнадеживает, однако, тот факт, что исследователи творчества Алексея Дмитриевича Скалдина (а их число в мире неуклонно растет) надеются на

аксиомную фразу его последователя, Михаила Булгакова – «Рукописи не горят» – и скрупулезно ищут утраченные произведения. Упомянутый двухтомник работ писателя, является прямым доказательством начала претворения надежды в реальность.

Обращаясь к корреспонденции, подтверждающей значимость Скалдина как культурного звена своей эпохи, обратимся, как было обещано, к лицам, с которыми он был связан. Так, трое однофамильцев: Вячеслав, Георгий и Разумник Ивановы – долгое время были связаны личной и творческой дружбой с А.Д. Скалдиным. Если представить эти отношения графически, в форме круга, то отправной точкой его, без сомнения, явился Вячеслав Иванов, крестный Скалдина в русской литературе (подробнее в «*Новом журнале*», 212). Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов) заключает этот круг своей трагической судьбой, сказавшейся и на Скалдине: оба последних ареста Скалдина произошли в связи с этим неустанным «узником совести», неугодным бюрократической верхушке при царе, при большевиках и во время немецкой оккупации. К 20-летнему возрасту относится его первый арест при царской власти. В феврале 1933 года Иванов-Разумник был арестован первый раз в советское время. Историк, прозаик, мемуарист, журналист, литературовед, видный общественный и политический деятель, Иванов-Разумник отличался продуктивным интересом к родной культуре. Его труды по 18-му, 19-му и 20-му векам русской литературы, истории и общественной мысли отличаются оригинальностью и богатой эрудицией. Он же одним из первых дал объективную оценку большевистскому террору [«Тюрьмы и ссылки»]. По масштабу суждений (несмотря на близость к партии социалистов-революционеров) он приближается, пожалуй, к А. Герцену, творчество которого, как и М. Салтыкова-Щедрина, А. Блока, А. Белого, М. Пришвина и многих других соотечественников, не только ценил, но и широко популяризировал. Письма Иванова-Разумника к Скалдину, Г. Иванову и другим деятелям русской культуры разбросаны по разным архивам и ждут своего исследователя.

Роль Георгия Иванова, центральная по времени в литературной жизни Скалдина, стала особой благодаря ученичеству, которое добровольно и восторженно Иванов (человек по природе характера вольного) принял на себя сразу же после знакомства со Скалдиным. Наставничество старшего по возрасту почти мгновенно (в течение нескольких месяцев) переродилось в теплые товарищеские отношения, когда Скалдин, судя по корреспонденции, одним из первых поэтов своей эпохи безоговорочно признал чудесное поэтическое дарование Георгия Ивановича Иванова.

Душевная ткань отношений поэтов настолько насыщена неиссякаемой потребностью в дружбе и любви, что уже с третьего письма Георгий Иванов подписывается фразой, ставшей постоянной в его корреспонденции: «любящий тебя Георгий», а в письме № 5 он уже прямо признается в любви Алексею Скалдину: «Миленький, не сердись, я тебя люблю» [59]. Фраза Иванова: «Я тебя очень, очень люблю, Алексий», – давшая заглавие настоящей работе, взята из одного из последних его писем Скалдину, написанному за год до эмиграции Иванова. На первый взгляд она противоречит отрывку из его воспоминаний о Скалдине: «С годами дружба моя с С. несколько охладела. Литературные интересы тоже нас не связывали – дороги наши пошли в разные стороны» [т. 3, 653]. Благодаря корреспонденции, однако, читатель понимает, что основная причина «разнодорожья» – в трагедии географического разделения русской словесности вследствие большевистского переворота. Об этом же достаточно убедительно говорит другой параграф воспоминаний: «Я уже теперь не помню, как у нас пошла дружба, о чем мы вели бесконечные

разговоры и летом писали друг другу письма на десяти страницах. О поэзии главным образом, конечно» [т. 3, 651].

Самая большая литературоведческая ценность переписки, однако, в подробном обмене анализом поэтического языка литературных произведений самих корреспондентов. На раннем этапе переписки проявляется личность Иванова, которой характерны безусловная искренность, решительность характера и самокритичность; к таланту критика добавляется редкая способность восхищаться и радоваться успехам других: «... перечитываю и удивляюсь, как хорошо, я бы сказал, изумляюще, ты можешь писать», – говорит он Скалдину в письме № 8. И в то же время письмо № 12, полное несогласия с мнением Скалдина о поэтах, принимающих деятельное участие в жизни «Цеха поэтов», ведомого Гумилевым. В том же письме находим острую и разумную критику стихов самого Скалдина. Терпеливо и с достоинством равного по духу Георгий Иванович Иванов говорит в своих письмах о поэзии Скалдина (в этом отношении особенно ценны письма №17, №18, № 21, № 27 и № 42). В этих письмах, учась сам, он учит и друга: «Стыдно Алексий тебе, набив руку, делаться академиком, лепить шаблоны, пусть красивые и внушительные. Вот твоя природа с пахучими еловыми ветками и пр. – шаблон. Ты привык не обращать внимания на нее», – пишет Иванов в № 17. В то же время его ужасает и оскорбляет любое подозрение в «поблажке» со стороны Скалдина. Так, в письме № 27 он буквально требует объяснения позиции друга: «Ты говоришь: я не буду говорить ничего о том, что хорошо. Но что же тогда значит это: ты бранишь фразу «... хотя малейшим впрочем» (я решительно не понимаю, почему так нельзя говорить, объясни, пожалуйста) и об остальном в стихотворении говоришь, что оно *сносно.* Ты не бранишь, – значит это хорошо, если же ты считаешь, что для меня хорошо все, что сносное, то, согласись, это не слишком для меня честно».

В то же время, как упоминалось ранее, письма насыщены частыми комментариями о современниках. Вскользь, но неоднократно (в связи с деловыми предметами), появляется имя Георгия Ивановича Чулкова (1879-1939), прозаика, поэта, драматурга, редактора журналов «Новый путь», «Труды и дни» и «Вопросы жизни». После революции Чулков занимался, в основном, творчеством Тютчева и Достоевского. Однако он активный поборник раннего символизма и был тесно связан с представителями этого направления. Его книга о символизме «*Годы странствий*», от которой ждали научного анализа и хроники событий явления, не оправдала ожиданий. Скалдин, относящийся с уважением (сравнимым с чувством к нему самого Георгия Иванова) к старшему собрату по перу во времена переписки с Ивановым, написал Чулкову назидательное письмо с указанием на неточности или прямые недостоверности в его книге [*Новый журнал* 212, 136-8].

В письмах неоднократно упоминается Игорь Северянин (Лотарев Игорь Васильевич, 1887-1941) – один из своеобразнейших поэтов Серебряного века. Признание пришло к Северянину в 1913 году с выходом сборника стихов «*Громокипящий кубок*». В это время Георгий Иванов с ним сблизился особо, войдя в группу эго-футуристов, ведомую Северяниным, но просуществовавшую недолго. Северянин, по рекомендации Вячеслава Иванова, сам искал знакомства со Скалдиным, о чем свидетельствуют его записки и открытки, найденные в переписке. После 1918 года (независимо друг от друга) отношения Георгия Иванова и Скалдина к Северянину, жившему в Эстонии, изменились. Видимо, определенную роль сыграла резкая перемена тематики, проявившаяся в поэзии эстета и любителя экстравагантности и экзотики. Если до 1918 года основными темами его творчества были «слава» и «любовь», то после 1918 Северянин почти исключительно посвятил себя одной тематике –

«родина», что оба поэта, жившие при начале Советской власти, восприняли как доказательство неискренности Игоря Северянина. Несколько подробнее о развитии отношений между Г. Ивановым и И. Северяниным можно прочитать в третьем томе последнего трехтомника Георгия Иванова (26-31). Иванов и Скалдин нередко упоминают в переписке родственника и однофамильца Зинаиды Гиппиус Василия Васильевича Гиппиуса (1890-1942). Поэт и переводчик, критик и литературовед, он использовал также псевдонимы *Василий Галахов* и *Росмер*. Несмотря на свою приверженность к «Цеху поэтов» (член общества с 1911 года), Гиппиус никогда не признавал акмеизм полноправной школой, равноценной символизму. Блок и Ахматова не раз выражали поддержку и симпатию молодому поэту. Георгий Иванов сдержанно похвалил его поэму «*Волшебница*» (1913), вызвавшую противоречивую бурю эмоций читателей. Скалдина и Иванова заинтересовали ранние шаги молодой поэтессы Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой (в девичестве Пиленко, по второму мужу Скобцова, в монашестве – мать Мария, 1891-1945). Казненная в фашистском лагере Равенсбрюк за ее роль во Французском Сопротивлении, она начала писать стихи еще в гимназические годы и тогда же сблизилась с революционной молодежью группы РСДРП(б). Позже, в выпускных классах, стала ученицей Владимира Гиппиуса, брата Василия Гиппиуса. Круг близких знакомств молодой поэтессы включал Вячеслава Иванова и Лидию Аннибал, а также всех посетителей «Бродячей собаки», где самым близким и задушевным ее другом была Анна Ахматова. «Скифские черепки» (СПб., 1912) – первая книга стихов поэтессы – вызвала неоднородное отношение современников: от одобрительного большинства, до сдержанного Блока (мнение которого разделили Иванов и Скалдин).

Мария Магдалина Моравская (1889-1947), во втором браке Кухлан (Coughlan), поэтесса, прозаик и критик, тоже неоднократно упоминается в корреспонденции. В 15 лет, полусирота (потеряла мать в двухлетнем возрасте), она ушла из дома. Молодая поэтесса занималась на Бестужевских курсах, а первое стихотворение опубликовала в 16 лет в журнале «Свободная школа». В 1910-м году Моравская сблизилась с Максимилианом Волошиным, который ввел ее в круг поэтов Вячеслава Иванова. С 1911-го года, она – активный участник жизни «Цеха». Ее стихами не только увлекались, но и широко пропагандировали Зинаида Гиппиус и Иванов-Разумник. Г. Иванов, однако, неоднократно бранил ее стихи и даже однажды обрушился на «безвкусную и неумную дамскую болтовню» [Аполлон, 1916, №1, с. 61]. К 20 годам Моравская пришла к феминистской литературной критике и заняла весомое место в этом направлении аналитического творчества. Она – автор большого количества очерков, и ее рассказы пользовались популярностью в Америке. Последняя поэма «Черепичная тропка» (на английском) написана в 1937 году.

К сожалению, объем данного сообщения не только не позволяет сделать полный анализ, но даже и просто перечислить всех имена деятелей искусства и культуры того времени, которые упоминаются в переписке. Вдумчивый читатель, ознакомившись с корреспонденцией, однако, не только сумеет лучше понять творческий мир обоих поэтов, – Георгия Иванова и Алексея Скалдина – но и восстановит недостающую до этого момента весомую главу их творческой биографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Богомолов Н.*** Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999.
2. ***Gimpelevich, Z.*** New Zealand Slavonic Journal «Aleksei Dmitrievich Skaldin: His Life and Works», 2003.
3. ***Иванов-Разумник.*** Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953.

4. ***Иванов Г.И.*** Редакция и комментарии В. Сечкарева и М. Далтон // Собрание стихотворений Г. Иванова.Würzburg, 1975.
5. ***Иванов. Г.И.*** Несобранное. Редакция и комментарии Вадима Крейда. Orange, CT., 1987.
6. ***Иванов. Г.И.*** Собрание сочинений в трех томах. М., 1994.
7. ***Иванов. Г.И.*** Горница. Книга стихов. СПб., 1914.
8. ***Письма Георгия Иванова Алексею Скалдину: Публикация З. Гимпелевич и В. Крейда*** // Новый Журнал. Нью-Йорк, 222. С. 53-100.
9. ***Скалдин А.*** Стихотворения (1911-1912). СПб., 1912. Книга несет посвящение: «Вячеславу Иванову, Брату».
10. ***Скалдин А.*** Странствия и приключения Никодима Старшаго. Редакция и комментарии Вадима Крейда. Orange, CT., 1989.
11. ***Скалдин А.*** «Идея нации». Публикация, примечания и вступительная статья З. Гимпелевич // Новый Журнал. Нью-Йорк, 210. С. 124-160.
12. ***«Алексей Скалдин – Письма Вячеславу Ивановичу Иванову». Публикация и вступительная статья З. Гимпелевич, примечания – В. Крейда*** // Новый Журнал. Нью-Йорк, 212. С. 135-192.
13. ***Скалдин А.*** Рассказ о господине Просто. Публикация и редакция ***Т. Царьковой*** // Аврора, 1993. №16..
14. ***Скалдин А.*** Собрание сочинений в двух томах. Редакция ***Т. Царьковой***. СПб., 2003.
15. ***Чулков Г.*** Годы странствий. Берлин, 1930.

S U M M A R Y

The article is devoted to the literary destiny of A.P. Skaldin, a writer of the Silver age. His literary career was closely connected with sucr eminent writers as V. Ivanov, G. Ivanov and Ivanov-Razumnik.

Поступила в редакцию 2.09.2003